

**ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ ПОИСКОВ НАЦИИ;
ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИ-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА.**

Для каждой нации важнейшей формой борьбы с энтропией является обеспечение этнической доминанты человеческой самореализации. Особенно это справедливо по отношению к социумам, переживающим состояние аномии, духовного и экономического кризисов, пограничных ситуаций и ценностных переворотов.

Обращение к традициям украинской культуры, к сокровищнице национальной духовности способствует не только постижению специфики национального сознания со всей его исторически выработанной шкалой моральных ценностей, но и пониманию того, что для украинской нации характерна и ориентация на «общие» заповеди, которые составляют основу общечеловеческой аксиологии.

Использование философской ретроспективы позволяет нам утверждать, что характернейшим признаком мировоззрения древних русичей была императивность поведения и этическая ориентированность жизненного мира. Общесоциальная структура древних славян имела основой коллектив, «всеединство»; каждый член коллектива являлся инкарнированным всеобщим, проявлением родового. Сознание наших предков было не просто синкретичным, но тождественным этике, и это свойство благодаря регионально-историческим условиям развития только усилилось. Перенос византийской традиции на восточнославянскую почву и знакомство с христианством не изжили ни языческого оптимизма, ни коллективистских доминант в сознании наших предков. Но, дополненное позаимствованной у Византии рефлексией, древнерусское общественное сознание пришло к противоречиям, обусловившим множество особенностей и характерных черт современного русского и украинского менталитета.

К таким противоречиям мы относим: нормативность мышления и противоположную ему идею самовластья (для древних славян была чуждой идея рока, судьбы); идеал мыслителя-книжника (обусловленный византийским влиянием) и сформированный историческими особенностями идеал героя-воина (зафиксированный в русских летописях); практическая ориентация сознания и иррациональное обоснование бытия через трансцендентное «сердце»; невиданный в Европе политический де-

мократизм и религиозная регламентированность жизненного мира.

Содержание этих противоречий по-разному раскрывается в различные эпохи и в различных районах восточнославянского региона. Существенно, что при общих социокультурных корнях в процессе политического обособления Украины и России их духовные искания зачастую обнаруживали различные, но тождественные между собой приоритеты и ценности. Различия духовных поисков и ориентаций отразились в языке, который представляет собой наиболее адекватное выражение народного духа.

Согласно Мартину Хайдеггеру, язык создает возможности пребывания в открытости сущего, благодаря чему человек, пребывающий в мире, есть историческое существо.

Изменение смысловых понятий отражает исторический опыт и духовные приобретения нации. В языке фиксируется как специфика видения мира, так и отношение к миру, его деятельностное опосредование. Не случайно в различных языках обнаруживается множественность вербальных оттенков именно тех смысловых значений, которые представляют особый интерес для данной нации, сферу ее жизненно важных ориентаций. Так, в арабском языке содержится свыше четырехсот названий верблюда, в чукотском—более десяти наименований снега, в итальянском—около десятка глаголов обозначают пение. В украинском языке демократизм и уважительное отношение к женщине зафиксировано в термине «дружина»—«женщина-друг» (ср. с русским—«жена»—«женщина», «роженица»). Она равноправна с мужчиной, поэтому «з нею одружуються», а не «на ней женятся».

Язык имеет свои конструктивные свойства: он не только отражает духовные ориентиры нации, но и формирует национальное своеобразие народа как субъекта исторического процесса. В языке не только олицетворяется историческое и культурное пространство, «социокультурный слепок» бытия, но и способ экзистирования, то есть деятельность, создающая бытие «здесь» и «теперь», каждую минуту, мгновение изменяющая и достраивающая своего носителя. Язык, таким образом, это процесс самосозидания как народом, так и любым его представителем собственного «я» в ареале культуры.

В. Гумбольдт утверждал, что изучение национальных особенностей требует обязательного обращения к языку как выражению духовных поисков народа, поскольку он есть «мера совокупно действующих духовных сил». В языке выражается не только специфика объективации самосознания нации, но и специфика бытия нации. Иначе говоря, язык представляет со-

бой рефлексии (ибо делает объект элементом самосознания), причем такую рефлексию, через которую во всеобщих структурах сознания обнаруживаются всеобщие формы бытия. Интерсубъективность личного опыта повседневности фиксируется как тотальность, обеспечивающая национальную однородность мировоззренческих ориентаций, формул нравственности, культурных приоритетов, целовых установок.

Бытие языка властно над человеком, оно коррелирует образ мышления, формирует стереотипы понятийных связей и способы формулировки суждений. Чтобы не быть голословными, обратимся к конструктивным свойствам украинского и русского языков и на одном из лингвистических примеров попытаемся конкретизировать данное положение. Оговоримся, что взятый нами объект исследования и выводы, в результате полученные достаточно локальны и являются только первым шагом по изучению данной темы. Это, скорее, постановка проблемы, требующей дальнейшей скрупулезной разработки, попытка актуализировать частично забытый материал и продемонстрировать возможности нетрадиционной его интерпретации.

Обращение к современным толковым словарям, свидетельствует о том, что среди значений многозначного слова **наука** установилась четкая иерархия. Во-первых и в-главных, наука — это «система знаний, вскрывающих закономерности в развитии природы и общества и способы воздействия на окружающий мир (МАС-11-409). Значения, связанные с навыками, знаниями, получаемыми в процессе обучения, с самим процессом, считаются вторичными, производными. Аналогичная картина наблюдается и в украинском языке (см. СУМ). Однако даже беглое сравнение с лексикографическими источниками XIX века показывает, что современная семантическая система — результат перемен, происшедших в языке совсем недавно. По словарю В. И. Даля, наука, прежде всего, — «ученье, выучка, обучение», затем то, «чему учат или учатся; всякое ремесло, умение знание» (СД-11-488). А далее следует весьма примечательная помета «но в высш. значен.», и только после этого «звуют так не один только навык, а разумное и связанное знание: полное и порядочное собранье опытных и умозрительных истин, какой-либо части знаний; стройное, последовательное изложение любой отрасли, ветви сведений».

Итак, XIX—XX вв. — это время превращения «высшего» «значения» в основное, время фиксации в языке представления о том, что центр, стержень — система знаний о мире, а все прочее — лишь пути приближения к ней. Интересным представляется и то, что в западноевропейских, например, языках корни слов, означающих понятие «наука», в отличие от восточносла-

вянских, не связаны с корнями, означающими учение, обучение. А значит, тесное увязывание «обучения жизни», приобретения необходимых навыков с получением представления об устройстве этого мира может квалифицироваться как специфическая черта национально-языковых картин мира русских и украинцев.

Думается, лучше, чем что-либо иное, процесс развития «высшего» значения слова **наука** сможет проиллюстрировать паремиялогия, русская и украинская, никакими поздними идеологическими наслоениями не замутненная. Именно поэтому в качестве основного источника материала избраны сборники «Пословицы русского народа» В. И. Даля (1-е изд.—1855 г.) и «Українські приказки, прислів'я і таке інше» М. Номиса (1964 г.)—сборники-современники, подлинные хранилища жемчужин народной мудрости, аккумулирующей многовековой опыт народа. Сборник В. Даля составлен по идеографическому принципу. Раздел, включающий анализируемый материал, называется «Ученье—наука», к нему примыкает «Грамота». В собрании М. Номиса материал группируется вокруг опорных слов. Паремии с опорными, по мнению автора, **наука** и связанными с ним словами объединены в небольшой (около 100 единиц) параграф. Фактический материал в целях упрощения его подачи цитируется нами в современной орфографии.

Постижение мира начинается в молодости и длится в течение всей жизни человеческой (век жили—век учись; не кайся рано вставати, а молодо учитись; не учися розуму до старості, але до смерта). Наука дается лишь в процессе сознательного усвоения (наука не пиво, в рот не вольешь; не в череві учаться), обучать надо как можно раньше (женатому учиться—время ушло; не учили поперек лавочки, а во всю вытянувся—не научишь; нагинай тілляку, доки молода; чога Івась не научишься, того і Іван не буде вміти), однако никогда не поздно (учиться никогда не поздно; учиться—всегда пригодится). Тем не менее, познать все до конца невозможно (чоловік цілий свій вік розуму учиться, а дурнем умирає).

Процесс обучения связан с серьезным трудом (кто хочет много знать, тому надо мало спать; идти в науку—терпеть муку; корень учения горек, да плод его сладок; нема муки без науки; доки не намучишься, доти не научишься; не терши, не м'явши, не їсты калача). Народная мысль связывает его с «включиванием» полезных премудростей, с известным насилием над нерадивыми (без палки нет уменя; древо немо, а вежеству учит; не побивши, не выучишь; за невміння деруть реміння). Подчеркивается роль учителя (всяк мастер на выучку берет, да не всяк доучивает; по выучке мастера знать; от умного мно-

го научишься, от глупого разучишься; шануй учителя паче родителя), важность закрепления знаний и—очень тонко—двусторонняя связь учителя и ученика (повторенье—мать ученья; учи других—сам поймешь).

В знаниях, умениях усматривается залог благополучия, мерило достоинств человека (за одного битого двух небитых дают, да и то не берут; конь добр, да не езжен, дорог парень, да не учен; ученье—красота, неученье—темнота; кто больше знает, тому и книги в руки; ученому світ, а невченому тьма; письменному книжка в руки). Паремии затрагивают и вопрос о необходимости прилежания и способностей для успешного усвоения знаний и умений) добро того бить, кто плачет, а учить, кто слушает; зад похлещешь, а в голову не набьешь; чего нет за шкурой, к шкуре не пришьешь; наука учит только умного—не всякому дается; не штука наука; а штука розум; ворона за море літає, а дурна вертається).

С одной стороны, не подвергается сомнению цечность всяких приобретенных знаний и умений (ученье лучше богатства; наука—верней золотой поруки; ремесло пить, есть не просит, а само кормит; що знать, то все добре; що вміть, так того за поясом не носить; (в умілого і долото рибу ловить).

С другой же—обнаруживается противопоставление заложенного природой и приобретенного в процессе обучения, причем предпочтению чаще отдается первому (переученный хуже недоученного; ученая ведьма хуже прирожденной; всему учен, только не изловчен; краший розум прирождений, як научений).

В корпусе разнообразных умений и навыков выделяются интеллектуальные, в частности умение читать и писать—грамота (грамоте учиться—всегда пригодится; побольше грамотных—поменьше дураков). Кроме того, уже в XIX веке явно вырисовывается антитеза «труд умственный—труд физический». Однако в этой диаде далеко не всегда предпочтению, положительная коннотативность достается работе интеллектуальной. Высказывания типа **кто грамоте горазд, тому не пропасть; ученый водит, а неученый следом ходит** единичны. Чаще народ негативно—с иронией или пренебрежением оценивает тех, кто «преизлиха насытился премудростей книжных» (перо сохи легче, грамотей—не пахарь; з письменних все лихо встає; письменний—самий прескверний; через письменних занепадеться світ; як буде уміть писати, так буде людей кусати; риба смердить від голови). Группа паремий, негативно оценивающих умственный труд, значительно больше в украинской части нашей выборки. Подчеркивается бытовая неприспособленность интеллектуалов, что в глазах народа—признак житейской не-

состоятельности, неполноценности (хвилозохв, а кобили в хомут не вміе запрягти! Письменный, та не друкований).

Видимо, потому русский народ констатирует не без горечи, что приобщение к грамоте далеко не всегда является залогом процветания, материального благополучия (богатые—те деньги учат, а бедные—те книги мучат; ныне много грамотных, да мало сытых), с некоторой иронией бросает вызов интеллигенции (мы люди простые, едим пряники толстые; даром, неграмотный, а пряники ест писанные).

В то же время уже осознана тяжесть, обременительность знаний (кто больше знает, тот меньше спит; и сам тому не рад, что грамоте горазд), ответственность, ложащаяся на плечи знающего, сведущего (кто много знает, с того много и спрашивается), а потому: дай Бог самому не разуместь, а людей не слушать; сам не смысли, добрых людей не слушай—пойдет дело на лад. Аналогичные пословицы в украинском материале не представлены. Но сборник М. Номиса включает паремии с иным содержанием, не встречающих параллелей у В. Даля. В них указывается причина стремлений людей к знаниям (люди стали знати, як не стало хліба ставати), противопоставляются изучение теории и практическая деятельность (добре все уміти, але не все робити).

Резюме: божьей волей свет стоит, наукой люди живут.

Итак, если рассматривать содержание категории «наука» во всей многоплановости информационных и структурно-лингвистических связей, то обнаружим как сходство, так и различие русскоязычной и украиноязычной генерации понятий, несомненно, обусловленных социокультурными и хронотопными особенностями становления наций. Поскольку язык мы рассматриваем как субстрат и квинтэссенцию интеллектуально-культурных достижений, то небезынтересно то, что, судя по данным русских паремий, преимущественно отражающих практику ремесленного обучения, формирование терминологического значения слова **наука**, а значит и понятия «наука», опирается на регулятивно-инструментальный (ремесленнический) аспект человеческой практики, т. е. система знаний о мире выводится из предметно-материального его освоения. В то же время украинский язык ориентируется на традиции школярства, ученичества (бесспорно, обусловленных особенностями спекулятивного мышления, господствующего еще в братствах и Киево-Могилянской академии).

В целом же, презентация науки в отечественной языковой традиции осуществляется в более утилитарных, прагматических смыслах, в то время как западноевропейское понимание науки как системы знаний, законов и методов преимущественно ак-

центрирует внимание на инструментальном содержании понятия. И в том, и в другом смысле наука есть поисковая деятельность, ставящая целью получение знания, но отечественная традиция данную деятельность подчиняет результату и игнорирует содержание знаний, не имеющих предметного приложения. Достаточно вероятным является также предположение, что украинская социокультурная парадигма в силу своей пограничности обеспечивает более европеизированное содержание термина, нежели русская.